

DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.073

УДК 94(5-11)“1750/1760” + 94(510) +
+ 94(47 + 57) + 34.038.1**Р. Ю. Почкаев***Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИЙСКОГО КРАЯ В 1760–1860-е гг.*

В статье предпринимается попытка анализа правового положения Илийского края — провинции маньчжурской империи Цин, образованной на территории бывшего Джунгарского ханства на рубеже 1750–1760-х гг. На основе различных источников и исследовательских работ автор характеризует правовое положение Илийского края со времени его образования в начале 1760-х гг. и до мусульманского восстания начала 1860-х гг., в результате которого этот регион фактически вышел из состава империи Цин. Анализируются система органов административного управления и местного самоуправления, статус различных групп населения и иностранных подданных, с разными целями приезжавших в Илийский край в рассматриваемый период, а также правовое регулирование торговой деятельности и система налогообложения. Новизной работы является широкое использование при исследовании правовой ситуации в крае записок российских дипломатов и торговцев, побывавших в Илийском крае в 1770–1860-е гг. Анализ этих материалов позволяет сформировать представление не только о формально закреплённом правовом положении края, его населения и иностранцев, но и об особенностях реализации правовых предписаний на практике, а также о проблемах, с которыми сталкивались цинские власти в отношении как с населением региона, так и с иностранными государствами, имевшими свои политические и экономические интересы в Илийском крае. Автор приходит к выводу, что в 1760–1860-е гг. Илийский край переживал «переходный этап», в связи с чем в нем не только подданные маньчжурских императоров, но и иностранцы обладали особым статусом, отличным от их положения в других регионах Китая. Позднее этот особый статус находил и юридическое закрепление — в частности, в виде российско-китайских соглашений о правах русских подданных в Илийском крае.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Илийский край; Кульджа; Российская империя; Синьцзян; империя Цин; правовой статус региона; записки путешественников; правовые отношения; русско-китайские отношения.

Ц и т и р о в а н и е: *Почкаев Р. Ю.* Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 152–166.

Поступила в редакцию 08.04.2018

Принята к печати 17.09.2018

*Исследование проведено в рамках проекта № 18-IP-01, поддержанного НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. Автор выражает благодарность рецензентам статьи за замечания и рекомендации.

Roman Yu. Pochekaev
*National Research University
Higher School of Economics
St Petersburg, Russia*

SPECIFIC FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE ILI PROVINCE BETWEEN 1760 AND THE 1860s

The author makes an attempt at analysing the legal status of the Ili Province, the region of the Qing Empire which had been an independent Junghar Khanate conquered by the Manchu dynasty at the turn of the 1760s. Referring to different sources and research works, the author characterises the legal status of the Ili Province from its foundation in the early 1760s to the Muslim rebellion of the early 1860s which resulted in the region's separation from the Qing Empire. The author analyses the administrative system and the local government, the status of specific groups of population, the policy of Qing regional authorities as regarded foreigners (subjects of Central Asian khanates and the Russian Empire), and its regulations in the field of trade and taxation. The author refers to a wide range of notes of Russian diplomats and merchants who visited the Ili Province between 1770 and the 1860s which makes the work innovative. The analysis of these materials allows the author to describe the formally fixed legal status of the region, its population and foreigners but also the specific features of putting legal regulations into practice, and problems which the Manchu authorities faced in the Ili Province connected with the population and subjects of the neighbouring states. The author concludes that the Ili Province in 1760–1860s had a “transitional character” which caused a specific legal status both Manchu subjects and foreigners had, and which was different from their status in other Chinese regions. Later, this specific status was fixed legally, specifically in the Russian-Chinese treaties on the rights of Russian subjects in the Ili Province.

К e y w o r d s: Ili Province; Kuldja; Russian Empire; Xingjian; Qing Empire; legal status of a region; notes of travellers; legal relations; Russian-Chinese relations.

Acknowledgements

This research was funded by a grant from the National Research University Higher School of Economics, St Petersburg, Grant 18-IP-01.

C i t a t i o n: Pochekaev, R. Yu. (2018). Osobennosti pravovogo polozheniia Iliiskogo kraia v 1760–1860-e gg. [Specific Features of the Legal Status of the Ili Province between 1760 and the 1860s]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 4 (181), 152–166.

*Submitted on 08 April, 2018
Accepted on 17 September, 2018*

В 1758 г. империя Цин разгромила Джунгарское ханство в Западной Монголии и присоединила его территорию, преобразовав ее в 1760 г. в Илийский

край, который вместе с соседним Восточным Туркестаном (Кашгарией) составил новую китайскую провинцию — Синьцзян¹.

Изучение начальной истории Илийского края представляет значительный интерес, поскольку до сих пор в науке нет единого представления о том, какое же правовое положение занимал этот регион в составе империи Цин в первое столетие пребывания в ее составе (1760–1864), т. е. с момента создания и до начала мусульманского восстания. Исследователи до сих пор больше внимания уделяли изучению истории Восточного Туркестана, а история Илийского края чаще рассматривалась в контексте российско-китайских отношений и так называемого «Илийского кризиса» — временного пребывания края в составе Российской империи (1871–1881).

В статье предпринимается попытка анализа особенностей правового статуса Илийского края. Для этого привлекаются официальные документы империи Цин и результаты ранее проведенных исследований китайской политики в регионе, а также свидетельства современников, лично побывавших в крае и имевших возможность убедиться, насколько эффективными оказывались правовые предписания маньчжурской администрации на практике. Впервые в качестве источника сведений о правовой ситуации в Илийском крае привлекается широкий круг записок российских дипломатов и торговцев последней трети XVIII — середины XIX в. Сочетание сведений из официальных документов и записок путешественников позволит сформировать объективное представление о статусе региона.

Разные исследователи характеризуют Илийский край как имперскую провинцию [Newby, p. 113], наместничество [Ануфриев, с. 155; Санин, с. 212], протекторат [Мясников, Шепелева, с. 59] и даже колонию с косвенным управлением [Бармин, Дмитриев, Шматов, с. 219]. Причиной подобного разнобоя является неоднозначное положение маньчжурской администрации в регионе и разграничения ее властных полномочий с органами местного управления.

Изначально Илийский край представлялся цинским властям исключительно как военный район, состоящий из укрепленных поселений, в которых должны были проживать маньчжурские и китайские солдаты [Китайские документы..., с. 113; Millward, p. 77–83]. Во главе края был поставлен цзянцзюнь или военный губернатор с резиденцией в Или (Кульдже), подведомственный Лифаньюаню — дипломатическому ведомству империи Цин. В его подчинении находились командиры гарнизонов и немногочисленный штат чиновников [Потулов, с. 19–20; Di Cosmo, p. 297–298; Hsü, p. 19, 21; Ning, p. 180].

Однако вскоре в регион были переселены мусульмане из Восточного Туркестана (таранчи) и внутренних провинций империи Цин (дунгане), и подобная

¹ Планы создания края появились у цинских властей несколько ранее. Уже летом 1755 г. Джунгария была оккупирована маньчжурскими войсками под предлогом оказания помощи претенденту на ханский престол Амурсане, и 19 июля вышел императорский указ о ее включении «в карту нашей империи». В очередном императорском указе, датированном октябрём 1756 г., уже фигурирует Илийский край как место дислокации цинских войск [Цинская империя..., ч. 1, с. 118–119; Чимитдоржиев, с. 108–109].

форма управления оказалась неэффективной — и 23 мусульманским городским общинам было предоставлено широкое самоуправление. Главой его являлся хаким-бек («гражданский губернатор»), должность которого, как правило, была наследственной, хотя он и утверждался цинской администрацией. В распоряжении бека находились ишкага (помощник), шанбеги (казначей) и мираб (чиновник для поручений), которые, как правило, назначались хаким-беком из числа его родственников [Hsü, p. 20–21]. Цинская администрация Илийского края взаимодействовала исключительно с хаким-беками, которые несли ответственность за поддержание порядка и сбор налогов в своих городах. При этом сами хаким-беки имперскими сановниками не считались, и условия их службы юридически не регламентировались, но для повышения авторитета их статус приравнивался к чиновникам третьего ранга [Di Cosmo, p. 303; Brophy, Opuma, p. 7; Kim, p. 11, 13]. Внешне, как отмечали российские очевидцы, это выражалось в том, что беки имели право носить косы — подобно маньчжурам [Путинцев, с. 109; Расплетаев, с. 38–39].

В результате полномочия цзянцзюня и подведомственных ему чиновников свелись к нескольким функциям: общее поддержание порядка в крае, сбор налогов в пользу казны, внешнеполитические действия (прием иностранцев, прибывавших в край и отслеживание политических событий в соседних регионах²). Все вопросы, связанные с хозяйственным развитием, торговлей, охраной правопорядка, решали представители местного самоуправления [Сутеева, с. 14; Hsü, p. 20]. Следствием такого разделения стало даже внешнее дистанцирование маньчжурской верхушки от населения края: резиденция цзянцзюня представляла собой совершенно особый «китайский» (или, как его называли российские путешественники, «губернский») город, отделенный от «мусульманского» крепостной стеной, и доступ в него разрешался лишь в дневное время и только по согласованию с маньчжурской администрацией [Веселовский, ч. 1, с. 178; Путинцев, с. 109]³.

Особенности «переходного» положения Илийского края обусловили специфическое положение местного населения. Прежде всего, следует отметить, что коренное население региона, ойраты, было фактически полностью истреблено цинскими войсками во время боевых действий 1756–1758 гг. Остатки ойратов были переселены в другие регионы, и вопрос об их возвращении даже не рассматривался⁴. Как отмечалось, первоначально цинские власти видели едва ли

² В частности, илийские цзянцзюни собирали информацию о казахах, находившихся в российском подданстве, и разрабатывали для Пекина предложения по дальнейшему взаимодействию с ними, вели переговоры и заключали соглашения с Кокандским ханством [Цинская империя..., ч. 2, с. 128; Di Cosmo, p. 298; Kim, p. 28].

³ «Китайская» и «мусульманская» части административного центра края даже носили разные названия: первая называлась Хуйюань, а вторая — собственно Кульджа (Гульча) [Noda, p. 166].

⁴ Так, когда в Китай в 1771 г. бежали волжские калмыки, они прибыли именно в Илийский край, рассчитывая поселиться в прежних местах обитания своих родичей-ойратов (при этом калмыцкий предводитель Убаши и представители знати во время переговоров содержались в качестве заложников именно в Кульдже). Однако, как сообщает очевидец — атаман Г. Волошанин, цинские власти решительно возражали против такого варианта, намереваясь расселить калмыков по другим регионам, и даже готовы были применить войска в случае сопротивления беглецов их планам [Волошанин, с. 47–55; Hostetler, p. 214].

не единственным населением края солдат, число которых составляло до 30 000 [Kim, p. 16]. Но очень скоро выяснилось, что центральные власти не в состоянии выделять на них достаточное содержание, поэтому было принято решение, чтобы солдаты занялись хозяйством, ремеслом и даже мелкой торговлей и могли сами себя обеспечивать. Однако военные власти Илийского края вскоре стали засыпать пекинский двор докладами о том, что солдаты стали уделять столько внимания хозяйственным делам, что забыли о регулярных военных занятиях. Более того, даже привилегированные маньчжурские «знаменные» войска восприняли эту практику, и цинские власти стали тревожиться, что маньчжуры вскоре «станут как ханьцы», чего всегда боялись маньчжурские правители Китая [Millward, p. 83–88].

В результате уже в начале 1760-х гг. в край стали переселять представителей самых разных народов — китайцев (ханьцев), монголов, уйгуров (дунган) и тюрков из Восточного Туркестана (гаранчей), число которых достигло вскоре 60 000 [The Kazakhs of China, p. 19; Clarke, p. 490–491]. В связи с этим один из завоевателей Джунгарии генерал Сухэдэ в 1772 г. писал, что официальное китайское законодательство в условиях Илийского края не сможет применяться эффективно и следует ввести особые правила, что и обусловило особый статус региона и различных групп его населения [Millward, p. 64].

Так, маньчжуры, которых в регионе было 2–3 тысячи, занимали высшие административные должности и формировали управленческий аппарат: именно из них назначались цзянцзюни, их помощники и основной костяк гарнизонов, выполнявший функции телохранителей администрации и полицейских [Путинцев, с. 109]⁵. Как отмечал Ч. Ч. Валиханов, побывавший в Кульдже в 1856 г., цзянцзюнь — «это совершенный трехбунчужный паша», т. е. напоминает своими действиями коррумпированную османскую администрацию: живет за счет народа, получая от местных жителей продукты, ткани, топливо, ремонт резиденции и пр., при этом забирая в свою пользу и значительную часть государственных налогов, сборов и пошлин [Валиханов, 1985а, с. 239].

Немногочисленные китайцы в Кульдже также были военными служащими, но имелось и некоторое количество ссыльных и переселенцев, занимавшихся земледелием и промыслами [Васильев, с. 10; Путинцев, с. 91]. Наделение их земельными участками, ставшими казенной собственностью после физического уничтожения бывших владельцев — ойратов, привело к возникновению новых форм землевладения в регионе. В частности, были организованы китайские военные поселения («бинтунь»), поселения для ссыльных («цзянтунь»), земельные участки для маньчжурских солдат («цитунь»), дунган («хуэйтунь») и китайцев («хутунь») [Думан, с. 89–90; Ходжаев, с. 174]. При этом любопытно отметить, что власти делили китайцев Илийского края на «земледельцев» и «торговцев», хотя и те, и другие занимались сельскохозяйственным трудом и платили

⁵ В течение 1760–1874 гг. высшие административные посты в Синьцзяне занимало только пять «возможно китайцев», остальные являлись маньчжурами [Kim, p. 15–16].

налоги — деньгами (5 фыней с одного му земли в год) и натурой (вносили часть урожая на нужды администрации и войск). Разница была лишь в том, что первые были переселены в край в принудительном порядке, а вторые переехали добровольно [Millward, p. 53, 102]. Во время мусульманских восстаний китайцев вырезали в первую очередь, поскольку для восставших они были представителями нации-завоевателя, а для маньчжурских властей — непривилегированными подданными, которых не стоило защищать [The Kazakhs of China, p. 29].

Представители монгольских и тунгусо-маньчжурских народов (чахары, солоны, сибо, олеты, дауры), насчитывавшие около 6 тысяч человек, представляли собой что-то вроде иррегулярных войск, которые российские современники сравнивали с казаками: на них возлагалась обязанность по охране границ региона [Валиханов, 1985а, с. 198; Генс, с. 339; Путинцев, с. 92, 110]. Однако, как отмечал российский чиновник А. Т. Путинцев в начале XIX в., цинские власти не вполне доверяли им, и каждый год направляли на границу также до 1 500 солдат непосредственно из Кульджи. В отличие от китайских солдат, занимавшихся ремеслом и земледелием, монголы (как и маньчжуры) вели скотоводческое хозяйство за пределами городов [Millward, p. 135]. Поначалу, чувствуя себя чужими среди многочисленного мусульманского населения, монголы были наиболее лояльными властям солдатами, однако по мере ухудшения условий их пребывания в крае стали «выказывать полное равнодушие» [Потулов, с. 31]⁶.

Что же касается тюрков-мусульман, составивших наиболее многочисленную часть региона, то они занимались преимущественно торговлей и ремеслом и содержали солдат, поставляя им все необходимое. Уже в 1768 г. только в Или (Кульдже) было создано 80 торговых предприятий, за каждым из которых закреплялось то или иное воинское подразделение, которое должен был содержать его владелец [Millward, p. 103]. Позднее, по мере роста хозяйственной деятельности в регионе и открытия новых предприятий эта практика была отменена, и содержание солдат было сведено к выплате населением денежных и натуральных налогов и сборов. Часть мусульманского населения составляла категорию крепостных («яньци»): это были семейства, прикрепленные к земельным владениям беков и работники государственных рудников [Думан, с. 90–91].

Особый статус Илийского края как пограничного военного района обусловил строгие ограничения по въезду в регион иностранцев. Однако вскоре те же причины, которые вызвали необходимость в переселении в край мусульман из Восточного Туркестана (нехватка средств на содержание войск), заставили местную администрацию разрешить пребывание и ведение дел в регионе представителям среднеазиатских ханств. В первую очередь, это были торговцы из Ферганы и Андижана, т. е. Кокандского ханства, которое в течение 1760–1860-х гг. наиболее активно взаимодействовало с китайцами в Синьцзяне и, угрожая

⁶ Показательно, что кашгарские ходжи, инициируя антикитайское восстание в Восточном Туркестане в 1815 г., обратились за поддержкой не только к мусульманам Илийского края, но и к монголам [Newby, p. 82].

объединением всех мусульман Центральной Азии против «неверных» цинских властей, добилось многочисленных преференций в торговой и налоговой сфере в Восточном Туркестане [Якубов, с. 66–67, 70; Kim, p. 22–23; Newby; Onuma, Kawahara, Shioya, p. 404]. Вести дела в Илийском крае купцам из Бухары или Коканда было весьма выгодно: пройдя все пограничные и таможенные процедуры на границе с Восточным Туркестаном, в Илийский край они попадали уже без дополнительных формальностей, налогов и сборов.

Торговцы же из других регионов, в частности Ташкента, не имели таких преимуществ, но илийские пограничные власти сумели создать своеобразную «юридическую фикцию», позволявшую им приезжать в край, вести торговлю и, соответственно, платить торговые налоги и сборы. Для этого было достаточно получить специальные рекомендательные письма от казахских ханов и султанов Старшего и Среднего жузов, которые номинально считались подданными цинских императоров и уже с 1761 г. имели право торговать с властями Илийского края [Newby, p. 129]⁷. Казахам не было необходимости выступать под именем представителей других стран: китайские власти Кульджи охотно торговали с ними, обменивая поставляемых ими овец на местные товары [Васильев, с. 5; Волошанин, с. 48, 50; Путинцев, с. 113–114].

Именно таким образом в Илийский край и непосредственно в его столицу Кульджу впервые стали проникать российские подданные. Так, купец Нерпин (в составе каравана которого находился дипломатический чиновник А. Т. Путинцев) в 1811 г. получил письмо от казахского Камбар-султана, — правда, русским торговцам пришлось выдать себя за ташкентцев, поскольку цинские власти строго запрещали въезд в Синьцзян российским подданным, ссылаясь на то, что они издавна ведут торговлю с Китаем через Яхту [Newby, p. 129; Noda, p. 166].

Однако к 1830–1840-м гг. пребывание русских в Илийском крае стало обычным явлением: непосредственно в Кульдже вели дела семипалатинские купцы Самсонов и Санников, имевшие годовые обороты в десятки тысяч рублей и державшие там постоянно двух-трех приказчиков [Антонов, с. 153; Валиханов, 1985б, с. 257; Веселовский, 1908б, с. 316; Косицын, с. 12]. В результате, когда в 1845 г. вице-директор Азиатского департамента МИДа Н. И. Любимов посетил второй по значению торговый город Чугучак⁸, он даже не счел нужным скрывать, что является русским (правда, под именем купца Хорошева): местный таможенный амбань всего лишь порекомендовал ему впредь «приезжать туда в азиатском наряде». Из этого сам Любимов сделал вывод, что цинские чиновники были готовы игнорировать особый режим пребывания иностранцев

⁷ Неслучайно именно в Кульджу, столицу Илийского края, доставлялась дань (нередко чисто номинальная), взимаемая китайскими чиновниками с казахов Старшего жуза [Лещев, с. 379–380]. При этом казахские жузы в цинской имперской политической практике, в отличие от Синьцзяна, никогда не рассматривались как часть империи Цин [Санин, с. 214].

⁸ Любопытно, что в начале XIX в. А. Т. Путинцев сообщал, что Чугучак был во много раз меньше Кульджи [Путинцев, с. 91], тогда как Ч. Ч. Валиханов по итогам своей поездки в Кульджу в 1856 г. отмечал, что Чугучак к этому времени по торговым оборотам уже превосходил Кульджу [Валиханов, 1985в, с. 274].

в крае и поддерживать с ними незаконную торговлю ради собственной выгоды [Веселовский, 1908а, с. 179].

В самом деле, порядок организации торговли с иностранцами в регионе, по сути, обуславливал произвол и злоупотребления чиновников. Необходимость торговли диктовалась уже неоднократно упоминавшимся выше недостатком снабжения войск за счет имперских ресурсов. Поэтому уже в 1761–1762 гг. в Илийском крае появились государственные магазины, через которые представители властей покупали иностранные товары, а уже затем с наценкой перепродавали их местному населению, обращая разницу формально на нужды администрации и войск, фактически же — нередко в собственную пользу [Millward, p. 46–48].

Как сообщают российские путешественники, сразу по пересечении русско-китайской границы караван встречал пикет из китайцев или монголов, командир которого считал людей, лошадей, скот и вьюки, после чего часть солдат сопровождала караван до следующего поста. При этом отношение к караванщикам было весьма суровым: китайские офицеры даже позволяли себе хлестать их плетками [Ковалевский, с. 17; Путинцев, с. 93, 115]⁹. Когда же торговцы прибывали в Кульджу, они должны были останавливаться на постоялом дворе, а товары сгружать на особый склад («пакгауз», т. е. государственный магазин), где его проверял сам цзянцзюнь, после чего объявлял цену на товары [Веселовский, 1908а, с. 178; Генс, с. 340; Ковалевский, с. 19]. Если цена не устраивала торговцев, выбиралось три-четыре представителя от каравана, которые начинали торговаться, а цзянцзюнь грозил, что прикажет бить их палками за нарушение порядка. Однако, как правило, заканчивались такие переговоры мирно и взаимной уступкой требований, после чего цинские чиновники покупали товары для казны, попутно собирая с них пошлины (в виде части товара), а затем перепродавали местным жителям, с которых также взимали пошлину (но уже серебром) [Ковалевский, с. 19–20]. Пошлина с иностранцев составляла до 10 % от количества товара (с овец — 1 голова с 5)¹⁰, с местного же населения — до 8 % от стоимости покупки [Валиханов, 1985б, с. 258; Веселовский, 1908б, с. 319; Генс, с. 340–341]. Как сообщает А. Т. Путинцев, с мусульманских торговцев в Кульдже пошлину не взимали, поскольку они уплачивали ее при пересечении границы в Восточном Туркестане — Яркенде, Хотане, Кашгаре или Аксу [Путинцев, с. 114].

Естественно, торговать по фиксированным ценам приезжим купцам было невыгодно, и они шли на всяческие хитрости, чтобы обойти формальные требования. Самым распространенным приемом было вручение взятки, которая могла достигать 20 лошадей лично цзянцзюню и до 50 — остальным чиновникам.

⁹ Этот же порядок был сохранен и в ст. 4 Кульджинского трактата 1851 г. [Русско-китайские отношения, № 8, с. 26–27].

¹⁰ С каравана, в составе которого находился Н. И. Любимов, цинские администраторы, узнав, что он из России, потребовали уплаты двойной пошлины, и ему пришлось около месяца вести переговоры, чтобы не допустить этого, причем в течение этого времени караван фактически находился под арестом, и китайцы запрещали поставлять ему продовольствие и фураж для скота [Веселовский, 1908а, с. 181–182].

Взамен те соглашались либо уменьшить пошлины (или вообще отменить их), либо же разрешить иностранцам торговать напрямую с китайскими и мусульманскими купцами [Валиханов, 19856, с. 258; Ковалевский, с. 19]. Другим способом обхода ограничений было сокрытие части товара: караваны стремились прибыть в Кульджу ночью и, пока чиновники не начали осмотр товаров, скрыть часть их, чтобы потом торговать с местным населением [Ковалевский, с. 18–19].

Неудивительно, что Кульджинским трактатом от 25 июля 1851 г., которым Китай официально открывал Кульджу и второй по значению город края Чугучак для торговли с Россией, предусматривался вариант торговли напрямую с купцами [Веселовский, 1908а, с. 179–181]¹¹. В 1860 г. в Пекине был подписан новый договор, которым подтверждалось право русских купцов напрямую торговать с китайцами и даже посещать дома своих партнеров [Русско-китайские отношения, № 11, с. 36]: прежде цинская администрация требовала, чтобы русские получали ее особые разрешения на посещение китайских торговцев [Веселовский, 1908а, с. 178; Генс, с. 344–345; П. Р., с. 153].

В русско-китайской торговле не практиковалось заключение договоров: каждая сторона просто озвучивала свою цену, и если она устраивала контрагента, то сделка осуществлялась — в денежной или натуральной форме [Веселовский, 1908б, с. 320]. До Кульджинского трактата обычной практикой была продажа товаров в долг, теперь же она была официально отменена. Дело в том, что и русские, и китайские торговцы нередко обманывали своих партнеров, и порой приходилось тратить немало времени на поездки из Кульджи в Чугучак и наоборот лишь для взыскания прежних долгов [Валиханов, 19856, с. 257; Ковалевский, с. 24]. Согласно ст. 12 трактата, отпуск товаров в долг считался незаконным, и консулы не принимали к рассмотрению жалобы по сделкам такого рода [Русско-китайские отношения, № 8, с. 28].

Конечно, торговля была важнейшим стимулом развития отношений России с Китаем, поэтому столь большое внимание уделялось именно организации торговли в крае, через который товары шли в Восточный Туркестан и области внутреннего Китая, не охваченные русско-китайской торговлей через Кяхту. Но в этом же договоре 1851 г. уже предусматривались особенности статуса российских подданных в регионе, — в частности, учреждение должности консула в Кульдже и Чугучаке для защиты интересов соотечественников перед китайскими властями. Консулы совместно с представителями цинской администрации даже могли разбирать мелкие споры и ссоры российских и китайских подданных [Чечелев, с. 640]. Кроме того, в обоих городах учреждались торговые фактории для проживания русских купцов и хранения товаров.

¹¹ Настаивая на этих условиях, российские дипломаты неоднократно ссылались на давние торговые связи с Кульджей — еще в период существования Джунгарского ханства [Мясников, Шепелева, с. 60]. Однако не только русские настаивали на открытии Кульджи и Чугучака для торговли: в 1830-х — начале 1850-х гг. и илийские власти, и влиятельные представители китайской торговли также подавали неоднократные прошения в Лифаньюань об открытии торговли с Россией в Илийском крае [Карпенко, с. 75; Newby, p. 168–170].

Однако полномочия консулов и правовой статус факторий были весьма ограничены. По условиям трактата 1851 г. китайцы не несли ответственность за сохранность товаров в факториях, и самим русским подданным следовало обеспечить их охрану (а по пути следования — безопасность от набегов казахов, считавших себя цинскими подданными). Более того, фактории не считались территорией России, на которой действовали ее законы: их обитатели пользовались только религиозной свободой, посягать на которую не могли представители цинской администрации [Русско-китайские отношения, № 8, с. 27, 28].

У консулов поначалу не было значительных полномочий даже для решения вопросов чисто экономического характера. Так, когда в 1855 г. в Чугучаке была разграблена и сожжена местными жителями русская фактория, властям Западной Сибири в следующем году пришлось направлять в Кульджу в помощь консулу специального уполномоченного чиновника — пристава у казахов Старшего жуза подполковника М. Р. Перемышльского [Валиханов, 1985а, с. 171–172]. И лишь к 1858 г. кульджинскому консулу И. И. Захарову удалось решить с цинскими властями вопрос о денежной компенсации за причиненные убытки в размере 200 тыс. руб., за что он был возведен в ранг генерального консула, что расширило его возможности по взаимодействию с властями края [Васильев, 1885, с. 15].

Рост авторитета российских дипломатов существенно повлиял на отношение местного (некитайского) населения к русским подданным, чем время от времени старались воспользоваться и представители цинских властей. Так, П. Я. Рейнталь, побывавший в Кульдже летом 1864 г., в период между двумя витками восстания дунган, отмечал, что цинские чиновники, принимавшие его миссию, всячески старались подольше продержат российских эmissаров в городе, поскольку восставшие дунгане не атаковали китайцев, пока русские находились в их укреплении. Кроме того, китайцы просили вновь направить в Кульджу консула «с большим отрядом», надеясь, что факт присутствия русских в городе устранил опасность его захвата восставшими [П. Р., с. 147–148, 153, 156]¹². Воспользовавшись своим особым положением в крае, российские дипломаты 25 сентября 1864 г. подписали так называемый Чугучакский протокол, которым четко устанавливалась граница владений обеих империй и упорядочивался статус населения по обе ее стороны, устраняя проблему двоеданничества кочевников — казахов Старшего жуза и киргизов [Русско-китайские отношения, № 15, с. 46–49; Моисеев, с. 23, 44]. Фактически этот договор стал первым шагом на пути международного признания Илийского края (и Синьцзяна в целом) частью империи Цин. Завершение этого процесса произошло уже в результате заключения Петербургского договора 1881 г. [Ануфриев, с. 156, 157].

¹² При этом всего лишь годом ранее, в 1863 г., в результате обострения российско-китайских отношений, приведшего к приостановлению обсуждения Чугучакского протокола, российская пограничная администрация даже утратила связь с консульством в Кульдже и лишь затем стало известно, что местные жители грозили нападением на него, а маньчжурская администрация не реагировала на просьбы российских дипломатов об охране здания консульства [Моисеев, с. 56].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Илийский край в 1760–1864 гг. обладал особым статусом, отразившимся в сохранении национального местного самоуправления, создании специального правового режима для различных категорий местного населения и иностранцев. При этом местная маньчжурская администрация нередко обходила официальные правовые предписания пекинских властей — и в силу экономических обстоятельств, и из-за специфики отношений региона с соседними странами и народами (Россией, ханствами Средней Азии, казахами). Все это позволяет считать, что Илийский край в рассматриваемый период находился в своеобразном «переходном состоянии», которое было необходимо Цинской империи для получения международного признания ее прав на присоединение этих территорий. Как известно, после подавления мусульманского восстания в Синьцзяне в 1877 г. и возвращения края Россией в 1881 г., цинские власти провели реформу, результатом которой стала полная интеграция региона в административно-территориальную систему Цин. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что эти действия являлись не столько «ответной мерой» на действия восставших, сколько следствием получения международного признания региона частью империи Цин, нашедшего закрепление в серии международных договоров 1850-х — начала 1880-х гг.

Источники

Валиханов Ч. Ч. Западный край Китайской империи и город Кульджа [Дневник поездки в Кульджу 1856 г.] // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. Алма-Ата : Гл. редакция Казах. сов. энциклопедии, 1985а. С. 171–247.

Валиханов Ч. Ч. [О торговле в Кульдже и Чугучаке] // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. Алма-Ата : Гл. редакция Казах. сов. энциклопедии, 1985б. С. 256–271.

Валиханов Ч. Ч. О Западном крае Китайской империи // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. : в 5 т. Т. 2. Алма-Ата : Гл. редакция Казах. сов. энциклопедии, 1985в. С. 272–303.

Васильев В. Воспоминания об И. И. Захарове. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1885.

Веселовский Н. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г. под видом купца Хорошева // Живая старина. 1908а. Вып. 2. С. 170–189.

Веселовский Н. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г. под видом купца Хорошева // Живая старина. 1908б. Вып. 3. С. 312–331.

[*Волошанин Г.*] Журнал, производимой в бытность для разных разведываний в заграничной секретной партии посланного казачьего атамана Волошанина с командою объявлением, случившим по тракту от разных кочующих и проезжающих киргисских старшин и киргисцов, яко же по бытности на границе китайской и китайским показаниям по числам с назначиванием литеров. 1771 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин. Астана : О-во инвалидов — Чернобылец, 2012. С. 42–62.

[*Генс Г. Ф.*] Дорога из Семипалатинской крепости в Кашкар, Кокан и Ташкент. Сост. Г. Генсом по рассказам татарина Муртазы Фейз-Удин-Марзян (Из книги XXV записок Генса) // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва. Кн. X. 1855. С. 337–373.

Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. / ред. Г. С. Садвакасов, К. Ш. Хафизова. Алматы : Гылым, 1994.

Ковалевский Е. П. Путь каравана (Из дневника русского офицера при переезде из Семипалатинска в пределы китайских владений) // Журн. для чтения воспитанникам воен.-учеб. заведений. 1846. Т. 62. № 245. С. 7–27.

[*Лещев*] Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительного помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 г. из крепости Семиполатной при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизской степью по тракту к городу Кашкару, принадлежащему Китайскому государству, учиненной направление дороги по компасу, а расстояние примерно по ходу верховых лошадей по шесть верст в час, прочее ж описание по вопросам едущих в караване торговцев и киргизов // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин. Астана : О-во инвалидов — Чернобылец, 2012. С. 357–431.

П. Р. Несколько дней в Кульдже // Воен. сборник. 1866. № 9. С. 133–157.

[*Косицын Д. Ф.*] Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: Рукоп. инока Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным // Рус. вестн. 1878. № 9. С. 5–21.

[*Путинцев А. Т.*] Описание пути, по которому ходил переводчик коллежский регистратор Путинцев, состоящий при генерал-лейтенанте Глазенапе, по именному высочайшему его императорского величества повелению посланный тайно от крепости Бухтарминской до китайских городов Чугучака и Кульжи при караване с товаром коммерции советника и тарского 1-й гильдии купца Нерпина. 1811 г. // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII — середины XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, И. М. Самигулин. Астана : О-во инвалидов — Чернобылец, 2012. С. 82–120.

Расплетав М. Происхождение таранчей и Кульджинский султанат (Рассказ внука первого таранчинского султана) // Туркестан. сборник. Т. 469. Ташкент, 1908. С. 38–44.

Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М. : Изд-во вост. лит., 1958.

Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. : в 2 ч. / сост. К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев. Алма-Ата : Наука, 1989.

Исследования

Антонов Н. К истории заключения русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже // Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Мысль, 1982. С. 148–164.

Ануфриев К. С. Эволюция политики Цинского Китая в Центральной Азии // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 1 (21). С. 153–157.

Бармин В. А., Дмитриев С. В., Шматов В. Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. Ч. 2. С. 209–244.

Думан Л. И. Феодалный институт яньци в Восточном Туркестане в XVIII в. // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 3. Л. : Изд-во АН СССР, 1935. С. 87–100.

Карпенко Е. В. Портреты русско-китайской торговли: «советник торговых кругов» Чэн Хуапэн // Исторические события в жизни Китая и современность : материалы Всерос. науч. конф. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. Москва, 17–18 февраля 2016 г. / [редкол.: Н. Л. Мамаева (отв. ред.) и др.]. М. : ИДВ РАН, 2016. С. 72–80.

Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул : АзБука, 2003.

Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в XVII — начале XX в. // Китай и соседи в новое и новейшее время / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука, 1982. С. 34–89.

Потулов В. В. Колонизационное значение Илийского края. Отчетная записка по поездке в пределы Илийского края. Пг. : Изд. Переселенч. управления, 1917.

Санин К. А. Западный край Китая (к вопросу об истории восприятия Синьцзяна и Центральной Азии в Китае) // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. Ч. 1. С. 207–216.

Сутеева К. А. Политика России в Илийском крае в 1871–1881 гг. : автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1987.

Ходжаев А. Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // *Китай и соседи в новое и новейшее время* / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука, 1982. С. 153–202.

Чечелев С. В. Правовое регулирование подсудности российских подданных в Китае в XVIII–XIX вв. // *Общество и государство в Китае*. 2015. Т. 45. С. 638–644.

Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2002.

Якубов Е. А. Историчность феномена «еврея-диванбеги» в свете кашгарского конфликта первой трети XIX в. // *Восток (Oriens)*. 2018. № 3. С. 64–75.

Brophy D., Onuma T. The Origins of Qing Xinjiang: A Set of Historical Sources on Turfan. Tokyo : The Univ. of Tokyo, 2016.

Clarke F. C. H. Kuldja // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Ser.* Aug. 1880. Vol. 2. No. 8. P. 489–499.

Di Cosmo N. Qing Colonial Administration in Inner Asia // *The International History Review*. Jun. 1998. Vol. 20. No. 2. P. 287–309.

Hostetler L. The Qing Court and Peoples of Central and Inner Asia: Representations of Tributary Relationships from the Huang Qing Zhigong tu // *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited* / ed. by D. Schorkowitz, Ch. Ning. Leiden ; Boston : Brill, 2017. P. 185–223.

Hsü I. C. Y. The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881. Oxford : Oxford Univ. Press, 1965.

Kim H. Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford : Stanford Univ. Press, 2004.

Millward J. A. Beyond the Pass. Economy, Ethnicity and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864. Stanford : Stanford Univ. Press, 1998.

Newby L. J. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden ; Boston : Brill, 2005.

Ning Ch. Lifanyuan and Libu in the Qing Tribute System // *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited* / ed. by D. Schorkowitz, Ch. Ning. Leiden ; Boston : Brill, 2017. P. 144–184.

Noda J. Reconsidering the Ili Crisis – The Ili Region under Russian Rule (1871–1881) // *Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future* / ed. by M. Watanabe, J. Kubota. Kyoto : Research Institute for Humanity and Nature, 2010. P. 163–197.

Onuma T., Kawahara Ya., Shioya A. An Encounter between the Qing Dynasty and Khoqand in 1759–1760: Central Asia in the Mid-Eighteenth Century // *Frontier History of China*. 2014. Vol. 9. No. 3. P. 394–408.

The Kazakhs of China: Essays on an Ethnic Minority / ed. by L. Benson, I. Svanberg. Uppsala : Uppsala Univ., 1988.

References

Antonov, N. (1982). K istorii zaklyucheniya russko-kitayskogo dogovora 1851 g. v Kul'dzhe [On the History of Signing the Russian-Chinese Treaty of 1851 in Kuldja]. In S. L. Tikhvinskiy (Ed.), *Dokumenty oprovergayut: protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents Refute That: Against Falsifications of History of the Russian-Chinese Relations] (pp. 148–164). Moscow: Mysl'. (In Russian)

Anufriev, K. S. (2013). Evolyutsiya politiki Tsinskogo Kitaya v Tsentral'noy Azii [The Evolution of Policy of Qing China in Central Asia]. *Tomsk State University Journal*, 1, 153–157. (In Russian)

Barmin, V. A., Dmitriev, S. V., & Shmatov, V. G. (2016). Sin'tzyan: ocherk istorii regiona [Xinjiang: An Essay on the History of the Region]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*, 46, 2, 209–244. (In Russian)

Benson, L., & Svanberg, I. (1988). *The Kazakhs of China: Essays on an Ethnic Minority*. Uppsala: Uppsala University.

Brophy, D., & Onuma, T. (2016). *The Origins of Qing Xinjiang: A Set of Historical Sources on Turfan*. Tokyo: The University of Tokyo.

Chechelev, S. V. (2015). Pravovoe regulirovanie podsudnosti rossijskikh poddannykh v Kitae v XVIII–XIX vv. [The Legal Regulation of the Jurisdiction of Russian Subjects in China in the 18th–19th Centuries]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 45, 638–644. (In Russian)

Chimitdorzhiev, Sh. B. (2002). *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongol'skogo naroda v XVII–XVIII vv.* [The National Liberation Movement of the Mongol People in the 17th–18th Centuries]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Science Press. (In Russian)

Clarke, F. C. H. (1880). Kuldja. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Ser.*, 2, 8, 489–499.

Di Cosmo, N. (1998). Qing Colonial Administration in Inner Asia. *The International History Review*, 20, 2, 287–309.

Duman, L. I. (1935). Feodalnyi institut yanci v Vostochnom Turkestane v XVIII v. [The Feudal Institution of Yantsi in Eastern Turkestan in the 18th Century]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR*, 3, 87–100. (In Russian)

Hostetler, L. (2017). The Qing Court and Peoples of Central and Inner Asia: Representations of Tributary Relationships from the Huang Qing Zhigong tu. In D. Schorkowitz, & Ch. Ning (Eds.), *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited* (pp. 185–223). Leiden; Boston: Brill.

Hsü, I. C. Y. (1965). *The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, pp. 1871–1881*. Oxford: Oxford University Press.

Karpenko, E. V. (2016). Portrety russko-kitajskoj trgovli: “sovetnik torgovykh krugov” Chen Huapen [Portraits of the Russian-Chinese Trade: “Councilor of Trade Circles” Cheng Huapeng]. In N. L. Mamaeva (Ed.), *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost': materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferencii. Moskva, 17–18 fevralya 2016 g.* [Historical Events in the Life of China and the Present: Materials of an All-Russian Scholarly Conference. Moscow, February 17–18, 2016] (pp. 72–80). Moscow: Institute of the Far East of the RAS. (In Russian)

Khodzhaev, A. (1982). Zakhvat tsinskim Kitaem Dzhungarii i Vostochnogo Turkestana. Bor'ba protiv zavovateley [Seizure of Jungharia and Eastern Turkestan by China. Fight against Conquerors]. In S. L. Tikhvinsky (Ed.), *Kitay i sosedi v novoe i noveyshee vremya* [China and its Neighbours during the Modern and Latest Modern Time] (pp. 153–202). Moscow: Nauka. (In Russian)

Kim, H. (2004). *Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877*. Stanford: Stanford University Press.

Millward, J. A. (1998). *Beyond the Pass. Economy, Ethnicity and Empire in Qing Central Asia, 1759–1864*. Stanford: Stanford University Press.

Moiseev, V. A. (2003). *Rossiya i Kitay v Centralnoy Azii (vtoraya polovina XIX v. — 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia: Second Half of the 19th Century — 1917]. Barnaul: Azbuka. (In Russian)

Myasnikov, V. S., & Shepeleva, N. V. (1982). Imperiya Tsin i Rossiya v XVII — nachale XX v. [Qing Empire and Russia in the 17th — Early 20th Centuries]. In S. L. Tikhvinsky (Ed.), *Kitay i sosedi v novoe i noveyshee vremya* [China and its Neighbours during the Modern and Latest Modern Time] (pp. 34–89). Moscow: Nauka. (In Russian)

Newby, L. J. (2005). *The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860*. Leiden; Boston: Brill.

Ning, Ch. (2017). Lifanyuan and Libu in the Qing Tribute System. In D. Schorkowitz, & Ch. Ning (Eds.), *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited* (pp. 144–184). Leiden; Boston: Brill.

Noda, J. (2010). Reconsidering the Ili Crisis — The Ili Region under Russian Rule (1871–1881). In M. Watanabe, & J. Kubota (Eds.), *Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future* (pp. 163–197). Kyoto: Research Institute for Humanity and Nature.

Onuma, T., Kawahara, Ya., & Shioya, A. (2014). An Encounter between the Qing Dynasty and Khoqand in 1759–1760: Central Asia in the Mid-Eighteenth Century. *Frontier History of China*, 9, 3, 394–408.

Potulov, V. V. (1917). *Kolonizacionnoe znachenie Ilijskogo kraja. Otchetnaya zapiska po poezdke v predely Ilijskogo kraja* [The Colonial Significance of the Ili Region. A Report Note on the Voyage to the Ili Region]. Petrograd: Publ. by the Migration Administration. (In Russian)

Sanin, K. A. (2017). Zapadniy kraj Kitaya (k voprosu ob istorii vospriyatiya Sin'tzyana i Tsentral'noi Azii v Kitae) [China and Its Western Region]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*, 47, 1, 207–216. (In Russian)

Suteeva, K. A. (1987). *Politika Rossii v Iliyskom krae v 1871–1881 gg.* [Russian Policy in the Ili Region] (doctoral dissertation abstract). Alma-Ata. (In Russian)

Yakubov, E. A. (2018). Istorichnost' fenomena "evreya-divanbegi" v svete kashgarskogo konflikta pervoy treti XIX v. [A Few Remarks on the Appearance of Jews in Tashkent and Kokand]. *Vostok (Oriens)*, 3, 64–75.

Почекаев Роман Юлианович

кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
права и государства
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
198099, Санкт-Петербург,
Промышленная ул., 17
E-mail: rpochekaev@hse.ru

Pochekaev, Roman Yulianovich

PhD (Law), Professor, Head
of the Department of the Theory and History
of Law and State
National Research University
Higher School of Economics
17, Promyshlennaya Str.,
198099 St Petersburg, Russia
Email: rpochekaev@hse.ru